

ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

12

2019

Признаки пищевой дендроактивности бурого медведя

Станислав ПУЧКОВСКИЙ, доктор биологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет. Фото автора

Бурый медведь (*Ursus arctos* L.) связан с лесными деревьями множеством взаимоотношений и различных воздействий на них, в соответствии с чем было выделено несколько типов дендроактивности этого вида (Пучковский, 1998; 2005): социальная (маркировочная, коммуникативная), комфортная, оборонительная, игровая и пищевая. Наибольшим вниманием учёных пользуется именно первый тип дендроактивности: авторы многих исследований описывают следы на деревьях как результат маркировочной деятельности медведей, обычно не пытаясь различить дендроактивность разных типов. Обобщающие работы по остальным типам дендроактивности бурого медведя мне не известны, хотя количество публикаций, в которых освещаются частные вопросы по этой теме, постепенно умножается. Соответственно, слабо разработан вопрос идентификации следов пищевой активности бурого медведя среди следов других типов дендроактивности, её распространения в лесных экосистемах России, значения для жизни леса, популяций медведя и практики человека. Аналитический обзор материалов, собранных нами, и данных о следах пищевой дендроактивности бурого медведя из доступных публикаций является целью предлагаемой статьи. Поставлены задачи: сбор, обобщение и обсуждение данных о пищевой дендроактивности бурого медведя, в том числе — обсуждение вопроса о её значении в природе и для человека.

Методы и материалы

Материалы для исследования коммуникативных систем бурого медведя собирались нами в Удмуртии (1984—1994; 2010 гг.), в Печоро-Ильичском государственном заповеднике (1999; 2002—2006 гг.), Саяно-Шушенском государственном заповеднике (2007;

2008; 2016 гг.), природном парке «Ергаки» (2009 г.), государственном заповеднике «Пинежский» (2012 г.). Центральным объектом наших исследований были медвежьи (сигнальные) деревья, которые описывались подробно в соответствии с разработанным протоколом. Методика и основные результаты описаны в ряде публикаций (Пучковский, 1991; 2005; 2009; 2013 и др.), всего было описано 2200 медвежьих деревьев. Все эти деревья располагались вдоль опушек, долинных террас и иных естественных рубежей, вдоль лесных просек, дорог и троп любого происхождения, что свойственно именно деревьям коммуникативного значения (Пажетнов, 1979; Руховский, 1987; Jamnický, 1987), обеспечивающим обмен сигналами между особями популяции бурого медведя. По этому признаку и набору меток они квалифицируются нами как объекты социальной (маркировочной) дендроактивности и именуется как медвежьи (сигнальные) деревья (МД). Однако в отдельных случаях на МД или помимо них удавалось диагностировать признаки дендроактивности других типов, в том числе — пищевой.

Пищевая дендроактивность бурого медведя обнаруживается по трём группам признаков.

1). Следы поедания медведями почек и молодых листьев с невысоко расположенных веток [Новиков и др., 1969]. В молодых лесных насаждениях звери пригибают деревца, надламывая их, оставляя черешки листьев и следы когтей на коре. Обычно страдают деревца краевого расположения.

2). По мере созревания разнообразных плодов, шишек кедра (сосна сибирская) медведи переходят к питанию орешками, оставляя разнообразные следы на деревьях и под ними. Наиболее характерны следы питания в кроне: находясь на дереве, медведь обламывает

ветви, объедает с них плоды, после чего подсовывает ветви под себя, образуя подобие гнезда или платформы (Гептнер и др., 1967). В таком случае на дереве сочетаются признаки пищевой и комфортной дендроактивности.

3). Менее характерны для бурого медведя и сравнительно редко описываются исследователями признаки повреждения коры в связи с его пищевой активностью. Маркировочная дендроактивность медведей в основном направлена именно на поверхность ствола сигнального дерева (Пажетнов, 1979; Jamnický, 1987; Пучковский, 1991; 2011 и др.). Такие повреждающие кору метки, как закусы — характерные следы маркировочной дендроактивности, наносятся **клыками** медведя. Пищевая дендроактивность: поедание коры (реже), вылизывание камбия и сока — оставляет обширные сдиры коры площадью в десятки квадратных дециметров. Для того, чтобы добраться до камбия, медведь должен соскрести кору, даже если она не будет съедена. На освобождённой от коры поверхности ствола (заболонь) и верхних частей корней дерева бывают заметны следы зубов, но не клыков, а именно **резцов**. При этом на одном и том же дереве могут совмещаться следы маркировочной и пищевой дендроактивности. Пищевая дендроактивность была подразделена на три категории, указываются их диагностические различия (табл.).

В связи с функцией питания бурые медведи оказывают прямое (пищевое использование каких-либо частей деревьев) или косвенное (повреждение деревьев при поиске или использовании в пищу наиболее привлекательных растительных объектов, а также животных, включая разрушение их убежищ) воздействие на деревья. Питание бурого медведя разнообразными растениями и животными довольно обстоятельно

Таблица

Категории пищевой дендроактивности (ПД) бурого медведя, её объекты и полевые признаки

Объекты и признаки	Категории пищевой дендроактивности		
	ПД-1	ПД-2	ПД-3
Пищевые объекты	Листья, почки	Фрукты, ягоды, орехи, каштаны; «орешки» бука, сибирского кедра	Кора, камбий, заболонь, сок
Полевые признаки	Надломленные деревца, следы когтей, черешки без листовой пластинки	Сломанные ветви, остатки кедровых шишек, осыпанные ягоды и т. д., царапины на стволе, «гнезда» из веток в кроне	Обширные сдиры коры, следы резцов на коре и заболони

изучено отечественными и зарубежными зоологами, поэтому в настоящем обзоре будут использоваться только материалы, имеющие прямое отношение к теме статьи.

Результаты и обсуждение

Бурые медведи, поедая в весеннее и летнее время почки, молодые побеги и листья осины, берёзы, ивы, липы, рябины и других древесных пород (Сабанеев, 1878; Гептнер и др., 1967; Егоров, 1971; Калецкая, 1973; Медведи..., 1993; Самигуллин, 1996; Смирнов, 2017 и др.), оставляют на деревьях (обычно это молодые экземпляры) не бросающиеся в глаза следы, ещё менее различимые по прошествии многих лет.

Зато в орехоплодных и фруктовых садах и лесах Балканского полуострова, Кавказа и гор Центральной Азии, в равнинных и горных широколиственных лесах бурые медведи, кормясь орехами, яблоками, грушами, каштанами, желудями, «орешками» буков и другими плодами прямо на деревьях, оставляют очень характерные следы своей деятельности: ломают много ветвей и нередко довольно сильно повреждают кроны деревьев (Гынчев, 1993; Медведи..., 1993; Domokos et al., 2006). Следы такого типа дендроактивности обычно не только хорошо заметны, но и довольно долговечны — могут сохраняться и быть заметными годами.

Кормовые заломы делают бурые медведи Южного Урала (Оренбургская область), питаясь плодами дуба, черёмухи, рябины, лещины, смородины, малины (Самигуллин, 1996). По сообщению К.Е. Афанасьева (2011), кормовые заломы бурого медведя (по местному — сидушки) обычны в дубравах заповедни-

ка «Большая Кокшага» (республика Марий Эл). В отдельные годы черёмуха и рябина могут составлять заметную часть в осеннем питании бурых медведей boreальных лесов (Гептнер и др., 1967; Медведи..., 1993; Смирнов, 2017). По нашим наблюдениям, доставая из наземного положения высоко расположенные ягоды рябины, медведи могут сильно пригибать стволы деревьев, иногда ломая их. В числе обычных признаков такой кормёжки — следы от когтей на коре и согнутые или надломленные ветви.

В Сихотэ-Алине бурые медведи во время сокодвижения (апрель-май) повреждают кору берёз и слизывают вытекающий сок (Серёдкин и др., 2004). В Уссурийском заповеднике собраны факты (Пизюк, 2008): бурый медведь обдирает кору и поедает камбий ильма горного. С Камчатки нами получены фотографии стволов ивы (приречные заросли), имеющих свежие сдиры коры сделанные местными бурыми медведями. Других подробностей автор фотографий не представил, но И.П. Шпилёнок, много лет работающий на Камчатке, в письме подтвердил происхождение сдиров как результата активности медведей.

В таёжных лесах медведи могут кормиться опавшими шишками сибирского кедра, но нередко молодые звери залезают на деревья с хорошим урожаем шишек, повреждая при этом кору и обламывая ветви. Впрочем, по мнению Л.П. Сабанеева (1878), при питании кедровыми орешками даже взрослые медведи Урала, вопреки своему обыкновению, влезают на крупные деревья. 13 августа 1984 года в Саяно-Шушенском заповеднике мной было обнаружено место кормёжки медведей. Судя по не очень чёт-

ким следам на траве, это были медведица и медвежонок-лончак. Звери уронили молодой кедр, предварительно перекусив ствол толщиной 10 см, отгрызли ветви и изжевали шишки. Но крупное дерево выживает и лишь сильно повреждается, такое воздействие медведем формирует крону кедра и узнаваемо через десятки лет (Медведи ..., 1993). Такое влияние бурого медведя на кедровые древостои Алтае-Саянской горной страны в локальных масштабах нередко оказывается довольно значительным по интенсивности (Соколов, 1979; Смирнов, 2002; Завацкий, 2006).

Судя по наблюдениям в Дарвинском заповеднике (Калецкая, 1973), бурые медведи нередко залезают на деревья, добываясь до гнёзд хищных птиц и го-голиных дуплянок. В заповеднике «Кивач» медвежонок неоднократно влезал на деревья с укрепленными на них синичниками, оставляя следы когтей, и разорвал гнёзда мухоловок-пеструшек (Петрова, Петров, 2016). Посещение медведями дупел или бортей с пчёлами (Башкортостан: Лоскутов и др., 1993) может быть регулярным, при этом животные довольно сильно повреждают стволы деревьев. Осинные гнёзда нередко располагаются в дуплах или трещинах у комлей деревьев, либо в сломе пня. Как показали результаты тропления в Удмуртии и в Пинежском заповеднике (наши данные), обычно медведи стараются обгрызть или отодрать когтями части дерева, мешающие добраться до гнезда.

Несколько особый случай дендроактивности — разваливание пней, переворачивание и разрушение валежин в поисках беспозвоночных или мелких млекопитающих (Гептнер и др., 1967;

Пихта со свежим сдиром коры. Печоро-Илычский заповедник, 2005 г.

Ель со сдиром коры года регистрации. Удмуртия, 2010 г.

Пихта со сдирами коры многолетней давности. Саяно-Шушенский заповедник, 2007 г.

Новиков и др., 1969; Пажетнов, 1990; Пучковский, 2005). Попутно медведи нередко съедают (возможно, случайно) ветки, гнилушки, щепки, другие фрагменты растительного происхождения. Результаты этой деятельности обычно хорошо заметны, хотя подобные следы могут оставлять и кабаны.

По наблюдениям коллег (Гримальский, Загаскевич, 1957; Слободян, 1993), в Украинских Карпатах бурые медведи довольно активно повреждают ели и пихты. А.А. Слободяну удалось наблюдать в природе, как медведь отдирает лентами кору дерева, вылизывал камбий и грыз молодую древесину на оголённом стволе. Названный исследователь отрицает маркировочную функцию такого поведения местных медведей (Слободян, 1993), по сути сводя их дендроактивность к пищевой. Исследователь высказал также мнение, что еловая кора нормализует работу пищеварительного тракта медведей в период перехода на питание свежей зеленью.

В Центральном-Лесном заповеднике (Пажетнов, 1979) отмечено обдирание вершинок молодых сосен медведицей и медвежатами — «ради сладковатого камбия». В свою очередь Н.Н. Руковский (1987) изучал меченые медведями хвойные деревья в лесах Вологодской области. Сравнивая площадь сдира с площадью лоскутов коры под деревом, автор пришел к выводу, что поедания бурыми медведями частей этих растительных объектов не происходит. В Юганском заповеднике (Ханты-Мансийский автономный округ) было зарегистрировано поедание медведем молодой коры обыкновенной сосны и пихты 24 октября, перед залеганием в берлогу (Переясловец, 2002). Некоторые противоречия в выводах цитируемых в двух последних абзацах авторов, на мой взгляд, есть свидетельство трудностей в интерпретации признаков дендроактивности.

На юге российского Дальнего Востока Г.Ф. Бромлей (1965), в связи с питанием бурого медведя, пишет о фактах (все-го их было названо шесть) частичного сдира коры с пихты «из-за сока» в июне. Поедали кору, питались заболонью и соком пихты также медведи южной части этого региона (Гептнер и др., 1967). Было высказано предположение, что такое пищевое поведение бурых медведей характерно для лет с низкой численностью копытных зверей (Юдин, 1993).

Автор обстоятельного обзора о маркировочной деятельности бурых медведей Западных Карпат (Jamnický, 1987) в дополнение пишет, что поедание медведями коры, заболони, камбия, лизание смолы хвойных деревьев отмечалось разными европейскими исследователями по наблюдениям в природе и в зоопарках.

В Тебердинском заповеднике 15 лет изучалась биоценологическая роль бурого медведя, включая воздействие на сигнальные деревья (Бобырь, Онипченко, 1993). Пищевой дендроактивности в данном исследовании авторы не отметили. Не так давно была предпри-

ята попытка оценить экосистемную роль повреждающих воздействий бурого медведя (при питании камбием) на стволы лесных деревьев в Польских Карпатах (Zyśk-Gorczyńska et al., 2015); авторы, в частности, выявили связь дендроактивности бурого медведя с деятельностью насекомых — стволовых вредителей и дятлов. Однако существенного экономического значения названная активность не имеет.

Из 95 медвежьих деревьев хвойных пород, которые изучались нами в Ярском районе Удмуртии в 1985 году, сдиры коры были зарегистрированы на 33 (34,7 %). При этом площадь сдира со следами когтей достигала примерно 7—8 дм². Ни в одном случае признаков поедания или исчезновения частей коры отмечено не было, как и во все последующие годы наших исследований в этом месте. Из описанных деревьев 24 несли следы закусывания, нанесённые, вероятнее всего, клыками. В названных случаях вопрос о вероятном поедании камбия остается открытым. Летом 1999 года из 112 живых медвежьих деревьев, описанных нами в верховьях Печоры, 66 (59 %) имели закусывания зубами. В этом месте обследование медвежьих деревьев также не дало оснований предполагать поедание медведями каких-либо частей сигнальных деревьев. Вопрос о пищевом использовании вершинки молодых сосен (Jamnický, 1987; Пажетнов, 1990), совмещённости которого с маркировочной дендроактивностью может предполагаться, также остаётся открытым. В целом могу предположить, что в наших материалах, названных выше, среди меток коммуникативного значения признаки пищевой дендроактивности могли быть нами пропущены. Подобным образом среди многочисленных интенсивных следов пищевой дендроактивности медведей Украинских Карпат (Слободян, 1993), возможно, не были выявлены признаки вероятной маркировочной дендроактивности.

Из 1520 медвежьих деревьев, описанных нами за шесть лет сбора материалов о предпочтительности бурыми медведями объектов маркировочной дендроактивности (Пучковский, 2009; 2013) и из материалов, полученных в последующие годы, лишь в немногих случаях были основания регистрировать пищевую дендроактивность. В Верхне-Печорском лесничестве Печоро-Ильчского заповедника в августе 2005 г. была описана пихта с обширным сдиром коры и следами резцов на обнажённой заболони. В Базезинском районе Удмуртии в сентябре 2010 г. была описана ель со следами пищевой дендроактивности.

31 августа 2007 г. на одном из притоков реки Большие Уры (Тёщин лог) в Саяно-Шушенском заповеднике были описаны (согласно принятому протоколу, во всей его полноте) 27 МД, расположенных вдоль тропы: елей 21 и пихт 6. Все шесть пихт были также и со следами пищевой дендроактивности разной давности: от свежих до многолетних (рис. 3). В данном случае примечательно следующее: в этой части заповедника пихты вообще встречаются очень редко. Но из всех 27 МД только пихты были с признаками пищевой дендроактивности, так что факт избирательности по породе дерева очевиден! Около одной из описанных пихт на площади 34х10 м² были зарегистрированы ещё 12 пихт со следами пищевой дендроактивности. Ещё возле одной из подробно описанных пихт в радиусе 10 м были зарегистрированы 5 пихт с обширными сдирами. Судя по очень полному набору меток (включая следовые дорожки на почве), шесть подробно описанных пихт несомненно использовались медведями и как маркировочные (Пучковский, 2011). Все зарегистрированные нами пихты Тёщиного лога располагались в диапазоне высот 910—1130 м н. у. м.

Отдельный вопрос — насколько значительно воздействие дендроактивности бурого медведя на древесную рас-

Ивы со свежими сдирами коры. Камчатка, 2007 г.

Фото И. Барбона

тельность. Часть деревьев, много лет подряд маркируемых медведями, после многократных закусов может быть свалена ветром (Пажетнов, 1979; Рукковский, 1987; Jamnický, 1987). При этом дерево ломается на высоте 180–200 см, где обычно располагаются медвежьи закусы. По наблюдениям в Тебердинском заповеднике (Бобыр, Онипченко, 1993) деревья, повреждённые в результате дендроактивности бурых медведей, ухудшают рост, чаще поражаются короedами и патогенными грибами, немногие деревья даже погибают. Однако для лесных площадей это вредное воздействие очень мало, а повреждающая роль медведей в формировании лесных фитоценозов Тебердинского заповедника незначительна (там же). Отмечу также, что, в сравнении с маркировочной дендроактивностью, пищевая дендроактивность категории-3 бурого медведя (см. табл.) представляет довольно редкое явление.

По мнению В.А. Жирякова и Ю.А. Грачёва (1993), на юго-восточной (горной и предгорной) части Казахстана местные медведи при использовании плодовых и ягодных растений в пищу приносят мало ощутимый вред; к тому же предполагается определённая польза от распространения зверями семян поедаемых плодов. Более того, французская исследовательница Пекс (Catherine Peix, 2016) пишет о решающем вкладе тьяншанского бурого медведя в эволюцию форм яблони Сиверса (*Malus Sieversii*). Обобщая работы казахского учёного А.Д. Джангалиева о сортовой разнообразии яблок и о питании местного медведя, результаты современных генетических исследований о происхождении многочисленных сортов яблок, Пекс пишет о буром медведе Тьянь-Шаня как о «первом селекционере сладких диких яблок». Т. е., согласно развиваемой концепции, медведь поедает наиболее

вкусные плоды, распространяет именно их семена, которые после прохождения через пищеварительный тракт успешно прорастают. Так за миллионы лет формировались ценные свойства плодов яблони Сиверса. Впоследствии человек стал потребителем яблок и включился в формирование яблонь и распространение этой культуры по странам и континентам мира. Как и в отношении многих других древесных форм, кормясь плодами, медведи повреждают крону яблонь.

По нашим многолетним исследованиям в учётной полосе метровой ширины вдоль лесных маршрутов (Пучковский, 2009), деревья со следами дендроактивности бурых медведей составили 0,66 % от таёжных древостоев, из них только очень небольшая часть (точно не определена) — со следами пищевой дендроактивности. Поскольку в глубине лесного квартала (2x1 км²; 4x2 км²) МД встречаются очень редко, доля деревьев лесного массива, повреждаемых бурыми медведями, в сотни раз меньше. Поэтому, о вреде маркировочной деятельности бурых медведей в обследованных нами регионах и, видимо, на большей части ареала бурого медведя в России говорить нет оснований. В ещё меньшей степени можно говорить о вреде именно пищевой дендроактивности в природных условиях.

Заметней следы дендроактивности бурых медведей в Украинских Карпатах (Слободян, 1993), где обычно тоже повреждаются лишь единичные деревья, но местами медведи довольно сильно повреждают пихты и ели числом до 60–100 экземпляров на 1 га. Тем не менее А.А. Элемдяев не считает вред от повреждений деревьев медведями Украинских Карпат значительным. Высказано мнение (Гримальский, Загаскевич, 1957), что такие повреждения способствуют распространению грибковых заболеваний и вредителей короedов (типограф, рогахосты и т. д.). Ограниченный вред (без существенных экономических потерь) показали также исследования пищевой дендроактивности этого вида в лесных древостоях Польских Карпат (Zyśk-Gorczyńska et al., 2015; Zyśk-Gorczyńska et al., 2016).

Все те же признаки пищевой дендроактивности, что были зарегистрированы в популяциях бурого медведя, свойственны гималайскому медведю (*U. thibetanus* Cuv.). Главное отличие состоит в том, что использование в пищу коры, камбия и слизывание сока лиственных и хвойных деревьев есть характерная, широко распространённая черта биологии этого вида (Бромлей, 1965; Гелтнер и др., 1967; Кучеренко, 1976; Watanabe, 1980; Базыльников, 1995; Пизюк, 2006; 2009), которого вообще отличает большая степень растительности. В Японии гималайский медведь питается (помимо разнообразных плодов и множества других растительных объектов) камбием хвойных деревьев, повреждая их сильно и в большом числе (Watanabe, 1980; Yamazaki, 2002), почему и считается там вредным животным.

Американский чёрный медведь (иначе барibal: *U. americanus* Pall.), подобно гималайскому, тоже более растительного, чем бурый медведь. Для него также характерно включение в меню коры (в меньшей степени), камбия и сока лиственных и хвойных деревьев (Jonkel, Cowan, 1971; Green and Mattson, 2003). Отмечен локально ощутимый вред, наносимый хвойным лесам северо-запада США в результате пищевой дендроактивности барибала (Collins et al., 2002). Интересно, что наибольшую активность в пищевом использовании камбия молодых деревьев проявляют взрослые самки этого вида.

Заключение

Пищевая дендроактивность достаточно ярко выражена, сравнительно легко выявляется в полевых условиях и местами может быть вредной (с нанесением локального экономического ущерба) в популяциях гималайского медведя и американского чёрного медведя. Названная биологическая черта тоже свойственна бурому медведю, однако её проявление может быть существенно различным в разных частях ареала вида. В садах, равнинных и горных широколиственных лесах (Балканы, Карпаты, Кавказ, Южный Урал, Тьянь-Шань, Джунгарский Алатау, Сихотэ-Алинь) бурые медведи довольно сильно повреждают плодоносные деревья (фруктовые, орехоплодные, ягодные), нередко формируя в их кроне подобия гнёзд или платформ. В Алтае-Саянской горной стране объектом довольно значительной пищевой дендроактивности оказывается сибирский кедр, причём местами медведь является важным фактором формирования кроны деревьев этого вида. Исследователи взаимоотношений популяций бурого медведя и кедровых лесов склонны считать, что вред кедровым насаждениям невелик. Влияние на формирование многовершинной кроны кедровых деревьев и состояние кедрячей в целом более существенно и в общем оценивается положительно (Соколов, 1979; Смирнов, 2002).

Пищевое значение ели и пихты, отмеченное для популяций бурого медведя в зарубежной части Европы, в Украинских Карпатах и в южной части российского Дальнего Востока (Гелтнер и др., 1967; Jamnický, 1987; Слободян, 1993; Юдин, 1993), не характерно для других регионов, населенных бурыми медведями (обзор: Пучковский, 1998).

Из представленного обзора результатов наших работ и исследований, выполненных коллегами, также следует: есть основания выделить три категории пищевой дендроактивности бурого медведя (табл.), из которых третья (ПД-3) выявляется не всегда. Вероятны две причины для последнего результата. Во-первых, на значительной части ареала медведя этого вида (в основном это бореальные леса России) пищевая дендроактивность действительно менее выражена. Вторая причина в методически трудном выявлении ПД-3: признаки пищевой дендроактивности на стволах деревьев могут быть «замаскированы» следами дендроактивности других типов (маркировочной и комфортной).

Сдир коры лиственницы. Япония, 2000 г.
Фото S. Koike

Комиссаров В., Дигилевич А. Костромское государственное опытное охотничье хозяйство	1
Пучковский С. Признаки пищевой дендроактивности бурого медведя	4
Кожечкин В., Шишкин А. Барсук Восточного Саяна	8
Коровников А. Кто в добор?	12
Пищулин С., Маликов Д. Алтайский горный баран. Современное состояние вида в России	14
Жекотов Ю. Таежный зигзаг	16
Константинов Ю. Сергей Бутурлин — оружейвед, охотовед или орнитолог	18
Астафьев Н. Хождение по мукам в поисках законности и справедливости	22
Блюм Алексей Михайлович (1937—2019)	25
Азаров А. Оружие для загона	26
Гибет Л. Невыдуманная история Пунайнен	28
Тарасов В. Когда жалость — наказание	30
Шатурский Е. Сергей Тимофеевич Аксаков (1791—1859)	32
Аксаков С. Очерк зимнего дня	33
Дышловой А. Северные косачи	34
Зрянин М. Барышня	36
Шульгин А., Савельева К. Караченцов Петр Яковлевич (1907—1998)	38
Соболев К. «Свои, мужики! Свои!»	42
Машинян Х. Восьмые ноты осени	42
Агапитов Г. «Справедливость»	43
Содержание журнала «Охота и охотничье хозяйство» за 2019 год	45
Цельхова Е. Кухня охотника	48

На первой странице обложки:
Верный друг и помощник охотника — западносибирская лайка Рокки

Фото Н. Иванова

На второй и третьей страницах обложки:

В Костромском охотничьем хозяйстве

На четвертой странице обложки:
Результат удачной охоты на волков

Фото А. Дигилевича

Издатель: ООО Издательский дом
«Охота и охотничье хозяйство»

Генеральный директор Т.А. Волжина
Главный редактор П.М. Павлов

Редакционная коллегия:

М.В. Булгаков, Е.В. Горбунова, А.А. Данилкин,
Н.В. Дервиз, И.А. Домский, А.П. Каледин,
В.Г. Сафонов, К.П. Савельева, Е.К. Цельхова

Главный бухгалтер Н.М. Видулина
Художественный редактор М.Л. Кнерцер
Младший редактор Н.Т. Дервиз
Корректор З.М. Данилова
Фотокорреспондент А.Ф. Дигилевич

Сдано в набор 03.10.2019 г. Подписано к печати 05.11.2019 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Заказ 8939.

Адрес редакции: 101000, Москва,
Милютинский переулок, д. 18А, офис 13
Тел.: 8(495) 628-25-57
Электронная почта ohota.ohothoz@mail.ru
Сайт: www.ohothoz.com

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru. 8(499)270-73-59.
В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Роскомнадзор ПИ № ФС 77-61642 от 07.05.2015
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. За достоверность публикуемых в журнале сведений несут ответственность авторы статей.

Е. ЦЕЛЫХОВА

Готовим глухаря

Часто приходится слышать от охотников, что они перестали охотиться на глухаря на току потому, что он «невкусный» и из него вообще нельзя ничего приготовить. Это хорошо для глухарей, но плохо для самих охотников, ведь глухарь — очень ценная добыча не только с трофейной, но и с гастрономической точки зрения. Просто его приготовление требует умения и компонентов. Первым многие люди не обладают, а на второе попросту скупятся. Но если приложить немного усилий, то всё получится.

Глухарь — сам себе приправа. Его мясо имеет специфический хвойный привкус, избыток которого многим не нравится. Сделайте его менее выраженным, вымочив глухаря в слабом растворе уксуса или лимонного сока, но не добавляйте слишком много специй, иначе глухарятина превратится просто в кусок непонятого мяса. Не добавляйте розмарин — он может превратить мясо глухаря в древесину. Глухариный «пупок» (желудок) — вообще очень своеобразный на вкус продукт, понравится далеко не каждому. А вот запах у глухаря действительно примечательный — он очень сильно пахнет, в прямом смысле слова, курятником. Исправить это поможет тщательное промывание тушки после потрошения и опять же её вымачивание.

Самые главные и банальные ошибки, которые делают при приготовлении глухаря, — неправильная первичная обработка без учета требований гигиены и излишне высокая температура приготовления, из-за которой мясо оказывается пересушенным. Но обо всём по порядку.

Щипать или не щипать глухаря? Вопрос спорный. Лично мне его кожа не нравится, и я предпочитаю снять её вместе с перьями. Под ней нет жира — а значит, нет смысла её оставлять. Вот молодой тетерев или рябчик — другое дело, их кожу обязательно нужно попытаться сохранить. Если же хочется принципиально соблюсти все каноны — то можно и ошипать, но будьте готовы к тому, что после опаливания кожа будет тёмной и как бы горелой.

Все операции, производимые с глухарьиной тушкой, сходны с любой другой птицей. Кожу с перьями снять просто — отрезать крылья «по локоть», отрубить лапы, тушку положить на спину, один продольный разрез от хвоста до груди и дальше по шее, обнажить грудные мышцы, чуть подрезать к бёдрам, вытолкнуть их снаружи из кожи, подрезать её на месте крепления к суставам. Отрезать хвост, стянуть кожу со спины, освободить плечевую часть и шею. Вскрыть живот, не разрезая грудную часть, и аккуратно вынуть кишки. Сохранить печень, сердце и желудок, а лёгкие и прочее выбросить, вытануть пищевод и трахею. Промыть тушку. Целиком «птичка» войдёт не в каждую ёмкость для запекания или тушения. Поэтому её можно разрезать на части: отрезать от тушки шею (на ней много мяса) и ноги (бедро плюс голень). К стати, кости из ног можно тоже вытащить — они довольно массивные. От передней части берём мясо с плеч. Киль, рёбра и позвоночник не используем — есть там почти ничего. Фактически остаётся целый каркас, с которого срезано мясо. Его тоже нужно сохранить, если планируете сварить бульон. Можете только вырезать позвоночник и крестец, если верите, что они горчат.

Глухарь похож на индейку, но имеется и одно принципиальное различие. Он хоть и любит походить пешком, но всё же не обладает столь развитыми «окорочками». В мясе его бёдрышек — сухожилия, похоже на иголки, которые следует извлечь, иначе при поедании блюда возможны очень неприятные ощущения — даже в тушёном мясе они напоминают шпажки.

Для приготовления любого весеннего глухаря отдавайте предпочтение тем рецептам, где его мясо приходится достаточно длительное время тушить в кислой среде или густом жирном соусе. Вообще быстро и без дополнительных смягчающих компонентов можно приготовить только молодых глухарят. Их стоит также запекать в духовке на противне, уложив сверху кусочки сала или грудинки, или завернув в фольгу. Почти любого глухаря перед приготовлением стоит вымочить или замариновать.